

Российская академия народного хозяйства и
государственной службы при Президенте
Российской Федерации

Москва, Россия

РОЛЬ СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА В ОСЕТИНО-ИНГУШСКИХ ОТНОШЕНИЯХ: ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Аннотация: В статье рассматривается роль социального капитала в условиях конфликтных межэтнических отношений (осетино-ингушских). В статье проанализировано значение символического пространства для формирования социального капитала, который используется в условиях межэтнического противостояния.

Ключевые слова: социальный капитал, межэтническое взаимодействие, политическое управление.

В политологический дискурс понятие социального капитала было введено американским исследователем Р. Патнэмом. Выделяя два основных элемента – социальные сети и нормы взаимного доверия и взаимодействия – в концепции социального капитала Р. Патнэм считает, что большой запас социального капитала благотворно влияет на социально-политические процессы, протекающие в обществе. Низкий уровень социального капитала, наоборот, способствует возникновению деструктивных общественно-политических процессов и угрожает целостности общества [12]. Основная константа в концепции Р. Патнэма это проблема доверия, как межличностного (социального), так и политического (институционального).

Проблема доверия является основополагающей в межэтнических отношениях, насколько различные этнические группы могут доверять друг другу. Для того чтобы между различными этническими группами существовали нормы доверия необходимо существование гражданских ассоциаций и организаций, которые способствуют развитию сотрудничества в обществе [11]. Ассоциативная активность граждан создает условия для возникновения доверия в обществе, которое, в свою очередь, позволяет решать проблемы политического характера, в том числе и противоречия межэтнического взаимодействия.

Благодаря высокому или низкому уровню социального капитала в обществе формируются определенные уровни политического участия граждан в жизни общества [13]. Политические партии и группы интересов образуют социальные сети и способствуют трансформации межличностного доверия в доверие к политическим институтам. Помимо общего подхода к анализу социального капитала Р. Патнэм выделяет конкретные индикаторы, посредством которых можно измерять уровень социального капитала. К индивидуальным индикаторам

торам, посредством которых можно измерить уровень социального капитала Р. Пантнэм относит: интенсивность и сила контактов; удовлетворенность отношениями; членство в общественных объединениях; электронная активность группового сообщества; чувство безопасности; доверие к соседям и социальным институтам.

В своей работе «Игра в боулинг в одиночку: изменения в гражданском обществе в Америке» Р. Пантнэм проводит различие между двумя видами социального капитала: связи капитала и преодоление капитала. Накопление первого вида социального капитала – связи капитала – происходит, когда люди социализируются с другими людьми похожими на них (общий возраст, религия, этническая принадлежность и т.д.); но для того, чтобы, например, взаимодействовать в полиэтничном обществе необходимо накопление другого вида социального капитала – преодоления. Соединяясь эти два вида социального капитала, усиливают друг друга, снижение же одного из видов приводит к ослаблению и другого.

В рамках политологического анализа межэтнических конфликтов концепция двух видов социального капитала (соединения и преодоления), на наш взгляд, выглядит достаточно перспективной.

Республика Северная Осетия-Алания, среди проблемных этнополитических регионов Российской Федерации, занимает особое место. Вовлеченность РСО-Алания сразу в два этнополитических конфликта (осетино-ингушском и осетино-грузинском) позволяет проанализировать и оценить различные подходы в политическом управлении РФ, которые были реализованы на разных этапах этнополитического противостояния. Актуальность изучения системы политического управления межэтническими конфликтами на Северном Кавказе трудно переоценить, так как позитивное продвижение в урегулировании межэтнических противостояний или, наоборот, актуализация насильственных форм, способны оказывать серьезное влияние на общие тенденции развития, как на Кавказе, так и в Закавказье.

В осетино-ингушских отношениях социальный капитал на определенных этапах межэтнического взаимодействия играет доминирующую роль. Наиболее ярко влияние социального капитала противоборствующих

этнических групп начинает проявляться в период дестанилизации и реабилитации репрессированных народов.

После возвращения депортированных народов из ссылки союзное руководство изменило тактику политического управления в национально-территориальных образованиях Северного Кавказа, в регионе устанавливается консервативный режим стабилизации, который по идее должен был дезавуировать предшествующий этап политического террора. Однако «болевые» точки межэтнического взаимодействия (в т.ч. и осетино-ингушского) никуда не исчезают, и поэтому инициатива политического управления в сфере межнациональных отношений спускается на региональный уровень, т.е. на уровень национальных автономий. Характерной чертой этого этапа политического управления становится формирование символической политики этнической неприязни, что впоследствии американский социолог С. Кауфман назовет «символической ненавистью этнической войны» [14].

С этого периода в осетино-ингушском конфликте усиливается аспект негативных этнических стереотипов конфликтующих сторон в отношении друг друга, которые каждая из сторон пытается объяснить свою позицию с точки зрения своей «исторической правды и справедливости».

В ингушском символическом пространстве этого периода можно выделить следующие доминанты:

1) ингуши, в отличие от ираноязычных осетин, являются автохтонным населением Северного Кавказа, поэтому земли, отошедшие к Северной Осетии, в том числе и территория Пригородного района, являются для них исконными;

2) Пригородный район – это священная земля для ингушей, так как там находится с. Ангушт (ныне с. Тарское), от которого и произошел этноним «ингуши»;

3) осетины пришлый народ на этой земле, которые еще в период русско-кавказской войны воспользовались экспансионистскими целями России, для того, чтобы расширить свое территориальное пространство [7].

Символическое пространство осетинской позиции понимания конфликтной ситуации наполнялось следующими моментами:

1) обоснование автохтонного присутствия осетин на

Северном Кавказе стараниями определенных осетинских исследователей[3;5;6;9] опирается на так называемый «аланский мотив» осетинского происхождения[8].

Аланы и аланское государство (I – середина XIV вв. н.э.), которое в разные периоды включало в себя территорию от Приазовья до Закавказья – это начало осетинской истории и начало осетинского присутствия на Северном Кавказе, которое случилось гораздо раньше, чем ингушское[1;2;4]. В осетинской идеологии «аланский мотив» призван был нейтрализовать ингушский тезис о Пригородном районе, как исконных ингушских землях, так как аланская исконность несоизмерима с ингушскими притязаниями;

2) в 1956 – 1957 гг. в Северной Осетии, благодаря сталинской идеологической машине, за ингушами закрепляется образ «народа – предателя», «народа – коллаборациониста» в Великой Отечественной войне, в то время как осетины были первыми по числу Героев Советского Союза на душу населения. Образ ингуша в Северной Осетии этого периода – это народ, совершивший по отношению к другим гражданам преступление (сотрудничество с немецкими оккупантами), который был помилован государством и поэтому главной константой их поведения должно стать раскаяние, а не притязания на территориальную реабилитацию;

3) Пригородный район де-юре, согласно Конституции РСФСР – это часть территории СО АССР и изменение административно-территориального деления не может зависеть от истории расселения народов.

После возвращения ингушей из ссылки, политические решения Северо-Осетинского руководства будут опираться на стереотипы символического пространства. Опубликование Указа Президиума Верховного Совета СССР «О снятии ограничений по спецпереселению с чеченцев, ингушей, карачаевцев и членов их семей, выселенных в период Великой Отечественной войны» (1956 г.), активизировало деятельность осетинского политического руководства. В 1956 году Совмин СО АССР издает распоряжение №063 «С», в котором предлагает категорически запретить продавать дома ингушам, возвращающимся из спецпоселений, а уже совершенные сделки купли-продажи аннулировать. Впоследствии руководством СССР и СО АССР будет принято еще два постановления (1982 и 1990 гг.), кото-

рые будут ограничивать прописку и выделение земельных участков для ингушей.

Однако, несмотря на запреты, ингуши возвращаются в Пригородный район СО АССР, выкупают свои прежние дома или покупают земельные участки для строительства новых домов, пренебрегая тем фактом, что официально они там прописаться не могут и, следовательно, их проживание там во многом носит нелегальный характер.

В годы десталинизации обе стороны конфликта накапливают собственный социальный капитал, если следовать логике американского политолога Р. Патнэма [13], в этот период и у осетин, и у ингушей усиленно аккумулируется капитал соединения внутри этноса, но происходит снижение межэтнического капитала преодоления в отношении друг друга. Снижение капитала преодоления в осетино-ингушских отношениях все больше приводит к повышению уровня межэтнического напряжения между двумя этносами. Основой социального капитала, как известно, является – доверие[10], но именно доверие в осетино-ингушских отношениях стремительно исчезает, а уровень недоверия и напряжения стремится к открытому противостоянию.

Резюме:

Политическое управление межэтническими конфликтами РФ в РСО-Алания рассматривалось нами, как система мер на государственном уровне, посредством которых удастся трансформировать систему конфликтных межэтнических отношений, таким образом, что насильственные действия в отношении друг друга противоборствующих этнических групп перестают быть основным атрибутом межэтнического взаимодействия. Естественно, что сами межэтнические противоречия могут сохраняться в латентной форме или отложенной форме. В современных геополитических реалиях, осетино-ингушский конфликт, представляет собой ярко выраженные примеры политического управления, когда заметно выражены признаки относительной нормализации межэтнических отношений, но при этом основная конфликтная доминанта межэтнических противоречий продолжает сохраняться.

Chakalidi F.G.

THE ROLE OF SOCIAL CAPITAL IN THE OSSETIAN-INGUSH RELATIONS: POLITICAL ANALYSIS

The article discusses the role of social capital in conflict ethnic relations (the Ossetian-Ingush). The article analyzes the importance of symbolic space for the formation of social capital, which is used in the context of the ethnic conflict.

Keywords: social capital, ethnic interaction, political management.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Блиев М.М. Осетия, Кавказ: история и современность – Владикавказ: Изд-во СОГУ, 1999.
2. Гаглойти Ю.С. Аланы и вопросы этногенеза осетин – Тбилиси: Мецниереба, 1966.
3. Гутнов Ф.Х. Ранние этапы этнической истории осетин //Отчизна. 1993. №2;
4. Дзидзоев В.Д. Кавказ конца XX: тенденции этнополитического развития – Владикавказ: ИП, 2004.
5. Исаенко А.В., Кучиев В.Д. Некоторые проблемы древней истории Осетии //Аланы: история и культура. Владикавказ. 1995.
6. Козаев П. Из древнейшей истории народов (ассирийцы, нарты, семиты...) - СПб.,1993.
7. Костоев Б.У. От Иосифа Сталина до Таймураза Мамсурова – М.: Media - ПРЕСС, 2007, 64 с.
8. Федосова Е.В. Республика Северная Осетия-Алания // Республики Северного Кавказа: этнополитическая ситуация и отношения с федеральным центром – М: Макс Пресс, 2012. С.245.
9. Чочиев А. Уроки игры на бойне. Без выходных данных. С.82 – 83 и др.
10. Fukuyama, Francis. The Great Disruption. Human Nature and the Reconstitution of Social Order. — New York: Free Press, 1999.
11. Putnam R. Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy - Princeton, NJ: Princeton University Press. 1993. P. 89–90.
12. Putnam R. The prosperous community: social capital and public life. // American Prospect, 1993, Vol.13, pp.35-42, p.35-36.
13. Putnam, Robert D. Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community: New edition - New York: Simon & Schuster, 2001.
14. Stuart J. Kaufman «Modern hatreds: the symbolic politics of ethnic war» New York: Cornell University Press, 2001.